

ODYSSEUS

Man in History

The Subjunctive
Mood in History?

2000

MOSCOW
«NAUKA»
2000

ОДИССЕЙ

Человек в истории

История в
сослагательном наклонении?

2000

МОСКВА
«НАУКА»
2000

ББК 63.3(0)
О 42

Главный редактор
А.Я. ГУРЕВИЧ

Редакционная коллегия:

Л.М. БАТКИН, И.В. ДУБРОВСКИЙ, Б.С. КАГАНОВИЧ, В.Н. МАЛОВ,
СВ. ОБОЛЕНСКАЯ (зам. главного редактора), М.Ю. ПАРАМОНОВА,
П.Ю. УВАРОВ (зам. главного редактора), В.И. УКОЛОВА, Д.Э. ХАРИТОНОВИЧ,
Г.С. ЧЕРТКОВА (ответственный секретарь), А.Л. ЯСТРЕБИЦКАЯ

Редакционный совет:

Ю.Н. АФНАСЬЕВ, ВОЙЦЕХ ВЖОЗЕК, НАТАЛИ ЗЕМОН ДЭВИС,
ВЯЧ.ВС. ИВАНОВ, ЖАК ЛЕ ГОФФ, Е.М. МЕЛЕТинский, А.О. ЧУБАРЬЯН

Рецензенты:

кандидат исторических наук О.И. ВАРЬЯШ,
кандидат исторических наук Я.Г. ШЕМЯКИН

Одиссей. Человек в истории. 2000. — М.: Наука, 2000. - 344 с.
ISBN 5-02-010188-5

В сборник входят материалы "круглого стола", проведенного по такой увлекательной теме, как "История в сослагательном наклонении", статьи зарубежных и отечественных авторов, посвященные крупным фигурам или значимым тенденциям в современной науке. Кроме того, публикуются размышления Вяч. Вс. Иванова о путях и судьбах гуманитарных наук в XXI столетии, представлена традиционная для "Одиссея" рубрика "Картина мира в ученой и народной культуре" и др.

Для историков и широкого круга читателей.

ТП-2000-П-№ 17

ISBN 5-02-010188-5

ISBN 5-02-010188-5

© Издательство "Наука", 2000
© Российская академия наук
и издательство "Наука",
серия "Одиссей. Человек в истории"
(разработка, оформление),
1989 (год основания), 2000

П.Ю. Уваров

РАЗВИЛКИ И ИГРАЛЬНЫЕ КОСТИ, АЛЬТЕРНАТИВЫ И СЛУЧАЙНОСТИ

(ПОПЫТКА ИНВЕНТАРИЗАЦИИ)

Участники нашего обсуждения в целом более похожи на единомышленников, чем на оппонентов, но все же я начну с констатации существующих между ними различий, опираясь, помимо материалов круглого стола, на представленные *post factum* статьи М.А. Пешкова и Л.М. Баткина, а также на некоторые другие тексты, упомянутые мной во вступительном слове.

То, что терминологической унификации от участников обсуждения ждать не придется, было очевидно с самого начала. И, действительно, терминът "альтернативность", "сослагательность", "случайность", "виртуальность" и т.п. употребляются пока практически как синонимы. Таковы "особенности национального историософствования": мы не немцы, чтобы заранее договариваться о понятиях. Но оказалось, что и понятие "история" трактуется по-разному: одни говорят об истории как о процессе, другие как о восприятии историком совокупности событий прошлого, третьи, скорее, об историческом сознании, об историографии, о массовых исторических представлениях. Будем считать, что речь идет все же о первом значении.

К самой сослагательности и альтернативности участники также подходят с использованием разных метафор. Одни видят альтернативы как бифуркации - развилки на пути исторического развития. Начиная с определенной точки бифуркации, история может идти по тому или иному пути (как правило, не опробованный путь кажется гораздо привлекательнее реального, во всяком случае - в системе А.Л. Янова, где Россия, какой бы путь ни выбрала, оказывается "в тупике унижения и горя"). Таким образом, история представляется железнодорожной колеей, которая, впрочем, имеет стрелки, и в роли стрелочника может выступать тот или иной исторический субъект. Но не может же железнодорожный перегон (да и разъезд) состоять из одних стрелок - альтернатив две-три, максимум три-четыре, и они сравнительно редки.

Другая метафора - игральные кости. Она гораздо старше "железнодорожной". Еще исламские мыслители - мутакаллимы использовали образ игральных костей, отставив философский окказионализм; прибегали к этому образу и богословы западной и восточной ветвей христианства. Не может обойтись без стаканчика с костями и Марк Блок, говоря о вероятностях и случайностях в истории. Азартная игра, сводимая Ю.М. Лотманом к оппозиции волеизъявлению господню - это, по-видимому, также игра в кости, или "в зернь", как ее называли у нас. Отличие от первой метафоры в том, что вероятностей здесь уже не две-три, а целый пучок, и "исторический процесс" уже не столь похож на линейное движение.

Отсюда можно было бы перейти к вопросу в духе "новой интеллектуальной истории" - не являемся ли мы заложниками неких структурных ограничений, присущих нашему мышлению? Выбор из двух альтернатив нам представить намного проще, чем из пятидесяти двух, не говоря уже о вероятности порядка 10^{39} , хотя, боюсь, мы имеем дело, скорее, с последним вариантом.

Но оставим на время споры о гносеологической природе альтернатив. Можно ли говорить об онтологическом статусе такой истории? Многие (каждый по-своему) считают, что подобная постановка вопроса возможна, - значительно расширяя тем самым сферу бытия. Можно ли реально наблюдать варианты, случайности и альтернативы? Похоже, что да - в том случае, если они пространственно разведены. Можно не только искусственно изымать из истории США железные дороги, продлевать существование рабства или допускать отсутствие "великого перелома" в российской деревне (т.е. заниматься моделированием), но и сопоставлять Великое княжество Литовское и Московскую Русь, Бургундию и Францию, ФРГ и ГДР, как инкарнации различных альтернатив. Точно так же, как на бытовом уровне для оценки гайдаровских реформ мы сопоставляем историю Украины и России после 1991 г. Есть и другие сферы, где можно наблюдать возрождение "отвергнутых альтернатив", например - в истории науки и техники, о чем, в частности, писали А.Ф. Ейтс и В.П. Визгин, ратуя за внимание к "проигранным делам истории" (см. "Одиссей 1998"). Нереализованная в прошлом возможность, вместо того чтобы отправиться на "свалку истории", вполне способна в буквальном смысле слова свалиться на голову историку.

Но не случайно Л.М. Баткин предлагает не рассматривать подобные примеры: они могут увести нас от принципиального вопроса о статусе возможного.

Чем, собственно, чревато признание нами его бытия? При этом, казалось бы, незначительном допущении рушится ни много ни мало система детерминизма Ньютона и Лапласа, видевших мир в виде механизма - механизма хотя и сложного, но наделенного непреложной однозначностью. Действительность в таком случае будет являться результатом реализации одной из возможностей и нести в себе различные варианты будущего развития. Если не ошибаюсь, таковы постулаты так называемой новой науки, и примерно это имела в виду К.В. Хвостова, когда говорила о логике, включающей не только оценки "истинно-ложно", "да-нет", но и такие, как "возможно", "неопределенно", "недоказуемо", "желательно", "предположительно". Применительно к истории это не означает, разумеется, вердикта, отказывающего ей в статусе науки (ведь еще К. Поппер отмечал, что вера, согласно которой термины "научный" и "детерминистический" являются если не синонимами, то по крайней мере неразрывно связанными, - это один из предрассудков эпохи Лапласа и Маркса). Напротив, представители "но-

вой науки" именно от истории ожидают важных для себя ответов. Во всяком случае, современная трактовка научного закона вовсе не отождествляется лишь с категорией необходимости, но включает понятие возможности, понимаемой теперь как универсальный закон бытия. "Без измерения возможного человека умирает реальный человек", сказал в свое время М. Мамардашвили.

Как справедливо отметил Л.М. Баткин, разговор о сослагательности почти неизбежно выходит на такую большую тему, как сопряжение истории событий и истории структур ("капризной Фортуны и неумолимого Фатума"). Более того, такой разговор затронет не менее больной вопрос исторической эволюции: найдется немало коллег, которые напомнят, что, даже отвергая прогрессистский детерминизм как разъяснение всего исторического процесса, историк не может вовсе отказаться от вопроса об изменении обществ и стран и от использования при этом категорий движения от одной стадии к другой. Иными словами, может ли участь пресловутой бабочки Брэдли изменить ход истории или же изменения будут подправлены "силой вещей", неумолимой логикой эволюции больших структур?

Размышление над этим вечным вопросом под углом зрения сослагательности и случайности позволяет предложить некоторую "рабочую гипотезу". Огрубляя, можно сказать, что в рамках одной системы, одного состояния, случайность в основном подавляется необходимостью, и раздавленные бабочки статистически нейтрализуют друг друга. Надо все же оговорить, что в более сложных системах (а если исходить из признания эволюции, то - на верхних этапах эволюционной пирамиды) роль случайности и возможности возрастает. Но сам переход к другому состоянию системы — более сложному или эволюционно более высокому - всегда проявляется как случайность, причем вероятность этой случайности весьма мала.

Как остроумно замечает Я.Г. Шемякин, "согласно многочисленным подсчетам, наша Вселенная маловероятна, жизнь крайне маловероятна, а разум - почти невероятен. Если оставаться в рамках понимания закономерности только как необходимости, а с точки зрения теории вероятностей, следует трактовать закономерное лишь как наиболее вероятное, получается, что восходящее, прогрессивное развитие материи по пути усложнения, повышения уровня организации не является закономерным. Теоретический выход из этой дилеммы возможен только на пути переосмысления самого понятия закономерности в диалектическом духе. Тогда закономерность прорыва с одного уровня материального мира на другой всегда проявляет себя как случайность, т.е. по сути — через собственное отрицание, а прогресс связан с осуществлением все менее и менее вероятных альтернатив: чем выше уровень сложности и организации системы, тем менее она вероятна.

Это утверждение, на мой взгляд, лежит в одной плоскости со сформулированной М.Ю. Парамоновой оппозицией "пути Деманда" и "пути

Лотмана". В одном случае предполагается, что роль случайного и вероятностного несущественна, что исторические законы неминуемо исправят возникшее возмущение системы. В другом - механизм динамики соотносится с состоянием кризиса, "культурного взрыва", подчиняющегося не закону вероятности, но случайности, происходит парадоксальный, с точки зрения системной каузальности, выбор.

И действительно, согласно многочисленным кросс-культурным антропологическим исследованиям (опирающимся, например, на кросс-культурные табуляции Дж. Мердока), динамичные европейские культуры оказываются в зоне с весьма низкой долей вероятности.

Переход к цивилизации был делом сравнительно небольшой части архаических культур, еще меньшее их число оказалось затронуто культурной работой "осевого времени", а обретение исторической динамики новой истории вообще свершилось лишь единожды на некоем "узком мысу" Евразии. Предложенный Л.М. Баткиным термин "мутация" представляется весьма удачным, поскольку подчеркивает это качество - непредсказуемости и незапрограммированности предыдущим развитием. Упомянутая М.А. Пешковым гипотеза ставит сложность объекта в позитивную связь с уровнем неопределенности, вероятности и случайности в его развитии, а также с возможностью выбора путей эмерджентного развития, т.е. с достижением некоей качественно новой стадии (сверхсложности). Но парадокс "третьего мира", к которому принадлежит подавляющее большинство землян, заключается в том, что его высокая сложность, неоднородность, мешает осуществить качественный прорыв и снижает сослагательность.

Если прибегнуть вновь к образу жребия, то получается, что прогрессивный сдвиг осуществляется системой тогда, когда брошенная демоном Лапласа монета падает не на орел и не на решку, а на ребро, а то и вовсе зависает в воздухе.

Можно попытаться описать механизм подобных скачков при помощи теории самоорганизующихся систем (синергетики) с использованием терминов "флуктуация", "хаос", "бифуркация". Уместно здесь и лотмановское понятие "культурный взрыв". Но надо согласиться с К.В. Хвостовой - терминология описания вероятностных процессов у историков отсутствует.

Схематично можно предположить следующее. В архаических и традиционных обществах постоянно происходят какие-то субъективные изменения в рамках одной системы, но они уравниваются контргтенденциями. У архаических обществ просто нет культурных механизмов памяти, чтобы сохранить информацию о происходящих изменениях, а общества традиционные обречены на циклизм своей истории: возврат к исходной точке обусловлен как внешними, так и внутренними факторами, прекрасно описанными Ибн Халдуном. Но, по выражению А.В. Коротаева, "в определенных условиях маятник флуктуации задерживается около одного из полюсов, а затем не доходит полно-

стью до обратного полюса. В конце концов оказывается возможным смещение центра флуктуации, и система обретает новое качество".

Большинство тех, кто размышляет на тему сослагательности и альтернативности, не сговариваясь, сходятся в том, что их уровень возрастает по мере приближения к современности. Однако полностью отказывать первобытным культурам в сослагательности и возможности исторического выбора было бы, на мой взгляд, ошибкой, ведь неравномерность и неповторимость, отмечаемая Л.М. Баткиным для цивилизаций, присуща и архаическим культурам, демонстрирующим удивительную вариативность. Но в целом предположение о своеобразной "эволюции сослагательности" трудно оспорить. Субъективный фактор возрастает, равно как возрастает степень воздействия незапрограммированных системой событий.

Л.И. Бородин обращает внимание на диагностику приближения хаотического состояния системы, нарастания в ней неопределенности. В "спокойном состоянии" серьезные изменения вызываются только сильными воздействиями. Таковыми могли быть "зоологическая катастрофа" эпохи плейстоцена, "неолитическая революция", "Великое переселение народов". При всей своей мощности, они часто носили вполне случайный, "несистемный" характер - как появление Кортеза для ацтеков или той же чумной крысы для европейцев XIV в., но приводили тем не менее к сильным изменениям системы. Однако по мере нарастания "хаоса" система начинает вести себя так, что даже малые воздействия вызывают очень сильные изменения, и это свидетельствует о приближении точки бифуркации. Ясно, что возрастание уровня хаотической неопределенности повышает степень сослагательности, а также роль случайного и субъективного. Отсюда можно сделать два предположения:

1. Степень сослагательности и "неопределенности" не свойственны равно всем обществам и эпохам, но возрастают по мере приближения к современности.

2. Их вес не может быть одинаков во всех областях социальной жизни. Есть демографические процессы, "неподвижная" аграрная история, различного рода истории "большой длительности", достаточно детерминированные, чтобы затруднить субъективное, "случайное" воздействие, - и есть область культуры. Осмелюсь предположить, что последняя является "заповедником сослагательности" и непредсказуемости и что состояние "хаоса" является здесь скорее правилом, чем исключением - любая новация, любое изменение может привести к непрогнозируемым последствиям. "Двигателем прогресса", нарушителем равновесия системы выступает девиация и, как ее частный случай, - влияние гениального, талантливого или просто везучего деятеля культуры или даже отдельного произведения.

Но если по этим "правилам", а точнее "без правил", жил на протяжении истории сравнительно ограниченный сектор социума, то теперь

эта зона стремительно расширяется. У кого-то это вызывает оптимизм (когда-нибудь изъывительное наклонение совпадет с сослагательным, а свобода с необходимостью!), у кого-то, в том числе у меня, опасения сродни тем, которые вселяют успехи геной инженерии.

Отнюдь не все участники дискуссии подчеркивали плодотворность рассуждений на тему "если бы..." Чаще слышались призывы к осторожности. За допущением "если бы..." сразу же следует стечение обстоятельств, предсказать которые не представляется возможным. Трудно не согласиться с Л.М. Баткиным, что примеры "If in history" всегда конкретны и потому лишены теоретической содержательности. "Та или иная история, - пишет он, - могла бы повернуться по-иному, тогда последующая цепочка взаимодействий, причин, вероятностей оказалась бы тоже иной. Но в пределах какого коридора возможностей"? Ответ на этот вопрос предлагает А.В. Коротаев. Он говорит о "поле вероятности", в пределах которого движение общества из зон "разреженной вероятности" в сторону зон с более "плотной вероятностью" оказывается более возможным. Причем выделить принципиально невозможные события трудно, поскольку никогда нельзя сказать, что дальнейшее продвижение вперед невозможно, просто каждый новый шаг будет даваться со все большим трудом, становясь все менее вероятным. Пример: в принципе вероятность того, что некое общество XX в. будет систематически игнорировать закон стоимости, сравнительно невелика. Однако СССР довольно долго следовал по этому пути, реализуя один из наименее вероятных вариантов развития, что требовало все больших усилий.

Историки могут и не согласиться с приведенными выше соображениями, настаивая, как это делает, например А.Л. Юрганов, что альтернативен не исторический процесс, но процесс его познания. Но и в этом смысле историк обречен на сослагательность. К этому его принуждают современные нормативы "идеального историка", принимающего во внимание контрпримеры, обращающего особое внимание на факты, противоречащие его рабочей гипотезе, которую он не спешит выдать за концепцию и тем более за историческую истину. Нет смысла перечислять и многочисленные постмодернистские вызовы, заставляющие историков расстаться с безмятежным историческим Детерминизмом.

Понятны также и внешние обстоятельства нашей жизни, "работающие" на сослагательность. Если некогда ритм советской действительности располагал к броделевской "истории большой длительности", то теперь мы постоянно решаем проблемы выбора пути и пытаемся влиять на него с рвением неопитов, давно утраченным нашими западными коллегами. Все это объяснимо. Для отечественных историков, особенно старшего поколения, известная метафора Р. Хайблонера "история существует как хаос или как тюрьма" могла, как и все метафоры в нашей стране, неожиданно материализоваться зловеще буквальным спо-

собом. Поэтому вполне понятна радость наших коллег, выпущенных на прогулку из унылых стен исторического монизма.

Глубокий нравственный заряд сослагательной истории трудно отрицать. Еще К. Поппер, сражаясь против диктата "железных законов развития", отстаивал "открытость истории", сущностно связанную с его теорией "открытого общества". Антитоталитарный характер "сослагательного наклонения", делающий упор на личной ответственности человека за свой выбор, настолько объединил всех участников обсуждения, что отрезвляющее замечание все того же Л.М. Баткина оказывается как нельзя кстати: отношение исторического детерминизма к нравственности не столь прямолинейно, как кажется, хотя бы потому, что стремление "обмануть время", повернуть "колесо истории" носит не только этический, но и практический характер.

Не вдаваясь в дискуссию, все же попробую привлечь внимание к иному аспекту этой проблемы, отмеченному А. Деманом. Осмысление реализовавшейся исторической действительности как островка в океане неосуществившихся возможностей заставляет признать и настоящее полем многих возможностей. Поэтому деятельность людей, обращенная в будущее, не может полагаться ни на некие бесспорные для историка правила выбора "нужной" перспективы, ни на саморегуляцию истории (т.е. на синергетический "авось", как мы бы перевели эту мысль с немецкого). Деятельность всегда остается сферой выбора и ответственности, ибо никто не знает, не окажется ли "правильно" избранный путь парадоксальной случайностью в глазах будущего.

На мой взгляд, это весьма ценная идея, призванная откорректировать наш гражданский пафос. Обычно отмечают опасность тоталитарных режимов, как организованных структур, "работающих на энтропию", представляющих угрозу для настоящего и будущего. Но уверенность демократического большинства в той или иной прописной истине и в своей исторической правоте может оказаться не менее опасной. Риск вообще увеличивается по мере нарастания сослагательности общественного развития.

Кстати, это ощущение, что любой выбор приводит к блокированию виртуальных миров, мешает мне полностью отказаться от исторического детерминизма. Он необходим, чтобы не бояться жить. Ведь ходить по улице и все время думать, что наступишь на бабочку и нарушишь ход истории, крайне опасно как для физического, так и психического здоровья. Должна же и у историка быть своя "техника безопасности".

Планируя наш "круглый стол" мы вовсе не собирались приглашать одних лишь любителей сослагательности, исследователей исторических альтернатив и мастеров контрфактического моделирования. Нам

был структурно необходим хотя бы один историк, по-прежнему убежденный, что история не знает сослагательного наклонения. Такие люди есть, и их не так мало, как может показаться. Но никто из них не захотел принять участие в данном заседании. И дело не только в том, что они пожалели тратить время на обсуждение того, чего нет. Один из весьма уважаемых мною представителей этого направления сказал мне с грустью: "Спорить бесполезно. Раз это уже вырвалось наружу, то разлитую воду обратно в стакан не соберешь". Наверное, он прав.

Материалы "круглого стола" к печати
подготовили *П.Ю. Уваров* и *Е.М. Михина*

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ В СОСЛАГАТЕЛЬНОМ НАКЛОНЕНИИ?

<i>П.Ю. Уваров</i> ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО	5
<i>К.В. Хвостова</i> СОВРЕМЕННАЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ (Роль многозначной логики)	10
<i>М.А. Чешков</i> ИСТОРИЧЕСКАЯ СОСЛАГАТЕЛЬНОСТЬ, ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКАЯ НАУКА И РАЗВИВАЮЩИЙСЯ МИР	14
<i>Л.И. Бородкин</i> ИСТОРИЯ, АЛЬТЕРНАТИВНОСТЬ И ТЕОРИЯ ХАОСА	21
<i>А.В. Оболонский</i> ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕРЕКРЕСТКИ КАК ОБЪЕКТ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ ИСТОРИИ	27
<i>С.А. Экиштут</i> КОНТРАФАКТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ, РАЗВИЛКИ И СЛУЧАЙНОСТИ В РУССКОЙ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ	33
<i>И.Н. Данилевский</i> СОБЛАЗН АЛЬТЕРНАТИВЫ	37
<i>А.Л. Юрганов</i> СВОЙСТВО ПОЗНАНИЯ, А НЕ ХАРАКТЕРИСТИКА ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА	40
<i>В.Д. Назаров</i> СОСЛАГАТЕЛЬНОСТЬ СОСЛАГАТЕЛЬНОСТИ РОЗНЬ	42
<i>О.А. Ржешевский</i> УЧЕНЫЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ О ВИРТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ	45
<i>М.Ю. Пармонова</i> ИСТОРИЯ В СОСЛАГАТЕЛЬНОМ НАКЛОНЕНИИ: ПОВОД ДЛЯ БЕСЕДЫ ИЛИ НАУЧНАЯ ПРОБЛЕМА? Опыт современной германской историографии	47
<i>Д.Э. Харитонович</i> МЕТОДОЛОГИЯ И НРАВСТВЕННЫЙ СМЫСЛ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ ИСТОРИИ	50

<i>А.Я. Гуревич</i>	
ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ: БЕСЧИСЛЕННЫЕ ПОТЕРИ И УПУЩЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ	53
<i>ДИСКУССИЯ</i>	58
<i>Л.М. Баткин</i>	
СТРАННАЯ ТЮРЬМА ИСТОРИЧЕСКОЙ НЕОБХОДИМОСТИ	64
<i>П.Ю. Уваров</i>	
РАЗВИЛКИ И ИГРАЛЬНЫЕ КОСТИ, АЛЬТЕРНАТИВЫ И СЛУЧАЙНОСТИ (Попытка инвентаризации)	78

ПРОБЛЕМЫ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

<i>Вяч.Вс. Иванов</i>	
СЕМИОТИКА КУЛЬТУРЫ СРЕДИ НАУК О ЧЕЛОВЕКЕ В XXI СТОЛЕТИИ	86
<i>Мартин Дингес</i>	
ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ: ЧЕРЕЗ ТЕОРИЮ "СТИЛЯ ЖИЗНИ" К "КУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ"	96
<i>А.Я. Гуревич</i>	
ПОДВОДЯ ИТОГИ	125
<i>В.И. Стрелков</i>	
К ОНТОЛОГИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ТЕКСТА: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ Ф.Р. АНКЕРСМИТА	139

КАРТИНА МИРА В УЧЕНОМ И НАРОДНОМ СОЗНАНИИ

<i>Найтхард Бульст</i>	
ПОЧИТАНИЕ СВЯТЫХ ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ. Социальные и религиозные реакции на эпидемии чумы в позднее средневековье	152
<i>П.В. Крылов</i>	
МУЖСКОЙ КОСТЮМ ЖАННЫ Д'АРК: НЕСЛЫХАННАЯ ДЕРЗОСТЬ ИЛИ ВЫНУЖДЕННЫЙ ШАГ?	186
<i>А.Л. Юрганов</i>	
ИЗ ИСТОРИИ ТАБУИРОВАННОЙ ЛЕКСИКИ	194

ОБРАЗ "ДРУГОГО"

<i>О.А. Савельева</i>	
ОБРАЗ "ЧУЖОГО" В СТАРООБРЯДЧЕСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ. К проблеме этноконфессиональной самоидентификации	207

В.К. Ронин

КОЛОНИАЛЬНЫШ МЕМУАРЫ, ДНЕВНИКИ И ПИСЬМА РУССКИХ
ЭМИГРАНТОВ (20-30-е годы XX века) 223

РЕЦЕНЗИИ

А.В. Каравашкин. Харизма царя. Средневековая концепция власти как предмет семиотической интерпретации (рец. на кн.: Б.А. Успенский. Царь и патриарх: харизма власти в России. М., 1998) 257

Л.А. Пименова. Как человек становится революционером? (рец. на кн.: Э.Х. Лемэ, Э. Патрик, Ж. Феликс. Революционеры за работой. Учредительное собрание, 1789-1791. Оксфорд, 1996; Т. Тэкетт. Становясь революционером: депутаты Национального собрания Франции и возникновение революционной культуры. Принстон, 1996) 275

И.К. Стаф. Роже Шартье: итог двух десятилетий (рец. на кн.: Р. Шартье. На краю обрыва. История между уверенностью и беспокойством. Париж, 1998) 288

Вокруг книги А.Л. Юрганова "Категории русской средневековой культуры"

А.Я. Гуревич. Из выступления на защите докторской диссертации А.Л. Юрганова 295

И.Н. Данилевский. Продолжение разговора с другом 302

Summaries 316

НАШИ ЮБИЛЯРЫ 322

Юбилей Светланы Валериановны Оболенской 322

К 80-летию Георгия Степановича Кнабе 325

ПАМЯТИ УШЕДШИХ

Умер Андрей Григорьевич Тартаковский 330

Памяти философа 333

CONTENTS

HISTORY IN THE SUBJUNCTIVE MOOD?

<i>P.Yu. Uvarov</i> INTRODUCTION	5
<i>K.V. Hvastova</i> THE MODERN EPISTEMOLOGICAL PARADIGM IN HISTORICAL RESEARCH (The role of polysemic logic)	10
<i>M.A. Cheshkov</i> THE HISTORICAL SUBJUNCTIVITY, THE POST-NON-CLASSICAL SCIENCE AND THE DEVELOPING WORLD	14
<i>L.I. Borodkin</i> HISTORY, THE ALTERNATIVE AND THE CHAOS THEORY	21
<i>A.V. Obolonsky</i> HISTORICAL JUNCTIONS AS THE SUBJECT-MATTER OF THE ALTERNATIVE HISTORY	27
<i>S.A. Ekshtut</i> COUNTERFACTUAL MODELLING, JUNCTIONS AND THE FORTUITOUS IN RUSSIAH HISTORY AND CULTURE	33
<i>I.N. Danilevsky</i> THE TEMPTATION OF THE ALTERNATIVE	37
<i>A.L. Yurganov</i> A PECULIARITY OF COGNITION RATHER THAN A CHARACTERISTIC OF THE HISTORICAL PROCESS	40
<i>V.D. Nazarov</i> NOT ALL SUBJUNCTIVITIES ARE THE SAME	42
<i>O.A. Rzheshhevsky</i> BRITISH SCHOLARS ON VIRTUAL HISTORY	45
<i>M.Yu. Paramonova</i> HISTORY IN THE SUBJUNCTIVE MOOD: A TALKING SUBJECT OR A SCIENTIFIC ISSUE? On the contemporary german research	47
<i>D.E. Haritonovich</i> THE METHODOLOGY AND THE MORAL MEANING OF THE ALTERNATIVE HISTORY	50

CONTENTS

A.Ya. Gurevich

CULTURAL HISTORY: COUNTLESS LOSSES AND WASTED CHANCES	53
DISCUSSION	58

L.M. Batkm

THE HISTORICAL NECESSITY, A WEIRD PRISON	64
--	----

P.Yu. Uvarov

JUNCTIONS AND DICE, ALTERNATIVES AND FORTUITIES (An attempt at stock-taking)	78
--	----

THE HUMANITIES' ISSUES

Vyach. Vs. Ivanov

PLACE CULTURAL SEMIOTICS INSIDE THE HUMANITIES OF THE XXI ST CENTURY	86
--	----

Martin Dinges

HISTORICAL ANTHROPOLOGY AND SOCIAL HISTORY: VIA THE "LIFESTYLE" THEORY TOWARDS THE "CULTURAL HISTORY OF EVERYDAY LIFE"	96
--	----

A.Ya. Gurevich

SUMMING UP	125
------------	-----

V.I. Strelkov

NOTES ON THE ONTOLOGY OF A HISTORICAL TEXT: SOME ASPECTS OF F.R. ANKERSMIT'S PHILOSOPHY OF HISTORY	139
--	-----

THE IMAGE OF THE WORLD IN THE LEARNED AND THE POPULAR MIND

Neithard Bulst

THE VENERATION OF SAINTS DURING THE PESTILENCE. Social and religious reactions on pest epidemics in late middle ages	152
--	-----

P.V. Krylov

JEANNE D'ARC'S MANLY DRESS: AN EXTRAORDINARY EFFRONTERY OR A FORCED MEASURE?	186
--	-----

A.L. Yurganov

FROM THE HISTORY OF THE TABOO VOCABULARY	194
--	-----

THE IMAGE OF THE "OTHER"

O.A. Savelyeva

THE IMAGE OF THE "STRANGER" IN THE OLD-BELIEVERS' FOLKLORE. To the problem of ethno-confessional self-identification	207
--	-----

V.K. Ronm

COLONIAL MEMOIRS, DIARIES, AND LETTERS BY RUSSIAN
EMIGRANTS (of the twenties and thirties of the 20th century) 223

BOOK REVIEWS

Tsar's charisma. The medieval concept of power as the subject matter of semi-
otic interpretation (*A.V. Karavashkin's* review of B.A. Uspensky's "Tsar and
Patriarch: The Charisma of Power in Russia". Moscow, 1998) 257

How does a man become a revolutionary? (*L.A. Pimenova's* review of: E.H.
Lemay, A. Patrick, and J. Felix's "Revolutionaries at work. The Constituent
Assembly, 1789-1791". Oxford: Voltaire Foundation, 1996, 144 p.; T. Tackett's
"Becoming a Revolutionary. The Deputies of the French National Assembly and
the Emergence of a Revolutionary Culture (1789-1790)". Princeton: Princeton
University Press, 1996. 355 p.) 275

Roger Chartier: Au bord de la falaise: L'histoire entre certitudes et inquietude.
Paris: Albin Michel, 1998. 293 p. (Review by *I.K. Staf*) 288

About A.L. Yurganov's "Categories of Russian Medieval Culture"

A.Ya. Gurevich. From the remarks concerning A.L. Yurganov's doctoral
dissertation 295

I.N. Danilevsky. Continuing the discourse with a friend 302

SUMMARIES 316

OUR JUBILEERS 322

Svetlana Obolenskaya's Jubilee 322

Towards Georgy Knabe's eightieth anniversary 325

IN THE MEMORY OF LOST 330

Dead is Andrey Tartakovsky 330

In memoriam philosophi 333